

Алексей Будищев

Вешний вечер



Алексей Николаевич Будищев

Вешний вечер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18471942

Аннотация

«В поле и в усадьбе тихо. Непробудно тихо, неестественно тихо. Даже комары не дудят. Соловьи тоже ни гу-гу. Один было попробовал, бросил из ивового куста звонкую трель. Но тотчас же точно струну оборвал. Сконфузился и умолк...»

Алексей Будищев

Вешний вечер

В поле и в усадьбе тихо. Непробудно тихо, неестественно тихо. Даже комары не дудят. Соловьи тоже ни гу-гу. Один было попробовал, бросил из ивового куста звонкую трель. Но тотчас же точно струну оборвал. Сконфузился и умолк.

– Чего, дескать, петь, когда и так хорошо!

И в самом деле, хорошо. Ясное небо и ясные звезды. Над рекой не туман, а какой-то намек на туман. Призрак тумана. На вершине холма еще теплится радостно последняя вспышка зари. Как след поцелуя на молодом лице.

У ворот усадьбы, на скамейке, повар и кучер курят сигарки и разговаривают. Первым начинает повар.

– Специал-демократ, – говорит он со вкусом, точно смакуя каждое свое словечко, – это одно кушанье, а кадет другое...

– А буржуазия? – спрашивает кучер.

– Буржуазия? – поправляет его повар. – Буржуазия – это уже будет, как бы тебе сказать... не отдельное кушанье, а так... Соус! Его и с рыбой, его и с мясом. Это не программа, то есть, относительно своей политики. А просто так... – Он с недоумением разводит руками и потом с соболезнованием добавляет:

– Я не все вещи могу тебе определить. В политике мне

не все меню знакомы. Газеты я почитываю, это так, но факультетов настоящих не проходил. Хотя в животном мире, – вдруг снова с восхищением подхватывает он, – в животном мире по части естественных определений я крошки не произведу. Ни крошки, ни ботвиньи! Все будет чисто. Бульон-консоме! Я – ботаник! – с тем же горделивым восхищением произносит он. – Любого зверя в его ранжир произведу!

– Любого?

– Любого!

– Например, лошадь? Что такое? – спрашивает его кучер, шевеля бородою и с видом экзаменатора. – В видах науки?

– Лошадь? – переспрашивает повар. – Лошадь – это животное копытное, вегетарьянское и упряжное.

– А гусь?

– Съедобная птица.

– А таракан?

– Таракан? – снова переспрашивает повар, и на всем его лице ярко нарисовывается сильнейшее недоумение. – Относительно таракана, – выговаривает он затем после паузы – происходит некоторая закорючка. С одной стороны, он как будто птица...

– Это таракан-то! – восклицает кучер недоуменно.

– А что? У него ведь тоже крылья. А с другой, таракан обыкновенное животное.

– Это таракан-то? – с тем же видом восклицает кучер.

– А то что же? Прими к руководству: пьет, жрет, дышит и гадит. То есть, самая настоящая животная платформа. Ах, да, – вдруг будто спохватывается он однако не без восхищения к себе, – таракан – это просто домашняя вещь!

– Это таракан-то! А если это вещь, так кто ж его сделал? – спрашивает его кучер не без лукавства.

На лице повара полнейшее недоумение, но, впрочем, лишь перед невежеством своего собеседника.

– Как кто? Тараканиха! – выпаливает он.

– Нет, первого-то? – спрашивает кучер.

– Первый создан. В который, бишь, день... Да вместе с птицами! – восклицает повар весело.

– А если он создан, стало быть, он не вещь; таракан вот что, – говорит кучер уже серьезно повару, лицо которого как бы выражает какое-то сладковатое недоумение, – таракан произведение природы, как блоха, вошь, лягушка и крыса. А все-таки ты молодец, – он поворачивает к повару свою огромную бороду, более похожую на беловежскую пушу. – Лошадь и гуся ловко в их центральное стойло пригнал. Сразу видно, что ботаник!

– А что такое млекопитающиеся? – спрашивает он через минуту повара с серьезным лицом.

– Млекопитающиеся это те, которые на молоке воспитываются, – отвечает тот деловито.

– И человек, стало быть, млекопитающийся?

– И человек. Да.

– Каждый? И это уж так от Бога? По заповедям?

– Разумеется.

– А мужик, у которого коровы нет и отродясь не было?

И который ежели на одной соске прокислой из оржаного хлеба воспитан? Какое же это тогда млекопитающееся, а? А ведь тогда тут нарушение произволения Бога! Лицо кучера внезапно делается суровым и строгим, будто его обдувает совсем иным ветром.

– Такой человек, – говорит он затем после продолжительной паузы и со сосредоточенным выражением, – такой человек уже не млекопитающееся. А произведение природы. Как таракан, блоха, вошь, лягушка и крыса! Понял? Понял ты меня, Пантелей Егорыч! – восклицает он возбужденно, и его лицо делается уже совсем зловещим.

– Ботаника этого не предусматривает, – сконфуженно роняет повар, почти шепотом. – Ботаника ведет свою линию, а к тебе в хлев, извините пожалуйста, она не заглядывает. К чему ей: есть у тебя корова, или нет? – Повар разводит руками, но лицо его, по-прежнему, сконфужено.

– То-то твоя ботаника не заглядывает куда нужно! – снова сердито восклицает кучер, шевеля бородою.

– Ботаника знает свое меню...

– И из этого выходит, что человек, понимаешь ли, крещеная душа, – восклицает, совсем не слушая его, кучер, – крещеная душа, – выдыхает он всею грудью, – приравнен к какому такому сословию? К блохе! К лягушке! К крысе! Зачем же

тогда его крестили, «елицы во Христа крестистися», к чему, ежели он уж не человек, не млекопитающееся по произволению Бога, а пустое произведение природы? Как таракан!

– Ботанике нет до этого дела. Ботаника как скалка. Она знает свое дело: «катать». А какое тесто катать – ей наплевать!

– И из этого выходит, – сердито вырывается из груди кучера, который уже давно не слушает своего собеседника, – и из этого выходит, японец, легкомысленное и некрещеное вещество, маловесное и ветренное, бьет кого? Ты думаешь человека? Настоящего русского человека? Нет, произведение природы! Неестественную пустоту!

– Это почти что так, – вздыхает и повар уныло.

Кучер между тем продолжает все тем же зловещим тоном.

– И потом полное потопление всех флагов при этой... – Цусиме, – роняет повар шепотом.

– Да-а, – возбужденно и злобно цедит сквозь зубы кучер.

– Кто виновен всему? Мы, например, я, ты, пятый, десятый, или же энти? Отчитайся, если так! Всенародно, как? Что? Почему? К чему же драться? Стрельбой и холодной нагайкой? Отчитайся! Приказчик, который, например, и тебе же в шапку, драться не смеет никакого права! Ни гражданского, ни уголовного! Повинись и отчитайся! Так и так!

– Это почти что так, – снова вздыхает повар уныло.

– А теперь что-то будет? Ай-ай! – вдруг роняет он как чуть слышный шелест.

– А теперь, – продолжает он тем же шелестом, – ежели прочитаешь газеты, ту или эту, голова идет кругом. Одно по всему центру очевидно: на новые линии Россию всею потянуло, – а куда? Един Господь сообразит. Старое под крестом, а новое во чреве. Россия теперь на бабу походит, которая рожать собирается. То на зеленый лук ее бросит, то на тюрю, то на кислое молоко. А куда материковая струя идет, – как угадать? Ай-ай-ай! – снова шепотом восклицает повар и роняет, как вздох:

– Что-то будет? Что-то будет?

Кучер не отвечает ни словом. Медленно и важно он приподымается со скамьи, сосредоточенно скрещивает на груди мускулистые руки и задумчиво глядит на восток.

– Что-то будет? – будто говорит собою вся его могучая фигура.

И он все также глядит на восток.

Но там – туманное пятно, и больше ничего. А затем бледное лицо месяца внезапно появляется там из-за разреза холмов, призрачных, как сгустки тумана.

И будто тоже желает спросить:

– Что-то будет?

На небе и на земле, по-прежнему, все тихо и неподвижно. Даже комары не дудят на своих пронзительных трубах. Даже листья осины не шелохнутся за оградой сада. Все будто тревожно замерло, застыв в последнем всплеске:

– Что-то будет?

И вдруг ивовый куст, похожий на зеленый шатер, радостно бросает смелую и восторженную соловьиную трель.

Среди напряженной, даже, пожалуй, зловещей тишины она падает так внезапно, с такой горделивой мощью, как светлый ответ на мучительный вопрос. От света ли месяца, или от этой сверкающей трели, все окрестности – поле, небо, река и сад – тотчас же и внезапно светлеют, как бы в одной обворожительной улыбке. В одном сладком недоумении:

– Ужели?

И новая смелая трель снова подтверждающе звучит. Как молодой гром:

– Так!

– Все будет по-хорошему, – задумчиво произносит и кучер, поглаживая широкую бороду.

Только повар все еще упрямится:

– По первому блюду как угадать, например, десерт? Ой ли?